
Вопросы филологии

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ГЕРОЕВ М. А. ШОЛОХОВА
И ПОЭТОВ – СОВРЕМЕННИКОВ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ**

И. Ф. Герасимова

Первая мировая война — трагическое событие планетарного масштаба — оказала большое воздействие не только на судьбы её современников, во многом изменив дальнейший ход истории и повлияв на художественное сознание эпохи. Свидетельством тому может считаться тот факт, что мировой катаклизм неоднократно оказывался в зоне пристального внимания писателей, создававших свои сочинения и после её завершения, в 20-е гг. XX в. Одним из таких произведений является роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», в котором Первая мировая война запечатлена с большой художественной силой и жизненной достоверностью. Это становится особенно очевидным при сопоставлении романа с лирическими произведениями, являющимися непосредственным откликом на военные события их современников и участников.

Известно, что Первая мировая война, затронув интересы всего человечества, вызвала в различных слоях российского общества неоднозначное к себе отношение. Этот факт запечатлён как в многочисленных поэтических откликах, так и в романе М. А. Шолохова уже в первой книге. И в том, и в другом случае авторы представляют различные точки зрения на начало боевых действий.

Так, в споре казачьего вахмистра «в рыжей оправе бороды» «с батарейцем» вырисовывается весьма распространённый во всех слоях тогдашнего российского общества взгляд на грядущие события: «Супротив нас какая держава на ногах устоит?»¹ (С. 260). Подобные воззрения запечатлены и в стихотворениях начального периода Первой мировой войны. В. Я. Брюсов, признанный поэт-символист, печатает одну из своих стихотворных стилизаций народных песен под названием «Солдатская»². В этом стихотворении, по сути, пересказывается военная история России: славная победа в Полтавской битве («Колотили мы и шведа // Под Полтавой в дни Петра»); захват русскими войсками Берлина в 1860 г. в ходе Семилетней войны («Мы ему [Фридриху] посбили спеси: // Хват — и заняли Берлин»); взятие Парижа в 1814 г. («...мы пришли в Париж»); героическая оборона Севастополя в ходе Крымской войны («Севастопольские браны // В мире громом отдались»); итальянские походы Суворова («Итальянцев наш Суворов // Артикулам обучал»); подавление польского восстания («И смирил поляк свой норов // В дни, когда забунтовал»); спасение армянского народа от турецкого геноцида («Императорской порфиры // Край упал на Аарат»). Подведя своеобразный итог утверждением, что «от Индии до Карпатов // Реки, горы и моря // Наших видели солдатов — // Силы

белого царя», — поэт заявляет: «Так-то, братцы, и с Китаем // Церемониться нам что ль? // Шапками их закидаем. // Воевать хотят? Изволь!»³

Как видим, реально имевшие место «шапкозакидательские» настроения первых месяцев войны роднят героев В. Брюсова и М. Шолохова, документально подтверждая этот исторический факт. Поэзия периода Первой мировой войны знает достаточно большое количество произведений, выявляющих сходное восприятие совершающихся событий, и, поскольку их перечисление будет весьма долгим, ограничимся лишь некоторыми: В. Князев «Песнь британца»⁴, В. Гиляровский «Война за мир» (1914)⁵, В. Брюсов «Последняя война» (20 июля 1914 г.)⁶ [здесь и далее сохранена авторская, по старому стилю, датировка произведений. — И. Г.], Д. Цензор «Стансы о войне»⁷, С. Городецкий «Пятнадцатый»⁸ и многие другие.

Большинство их них прежде, чем войти в поэтические сборники, печатались на страницах периодических изданий, и этот факт, как нам представляется, породил характерное шолоховское высказывание в цитируемой главе: «Война! Газеты, захлёбывающиеся воем...» (С.263). Эти слова свидетельствовали о том, что газетная пресса периода войны являлась одним из важных документальных источников. Можно предположить, что в ходе работы над своим произведением Шолохов знакомился с уникальной в своём роде антологией «Современная война в русской поэзии»⁹, а также с другими поэтическими сборниками, выходившими в период Первой мировой войны. О точности авторского воссоздания событий, свидетелем которых он не был, говорят зафиксированные в газетах фронтовые и бытовые реалии, поэтические документы времени, стереотипы массового народного сознания исследуемого периода. В частности, атмосфера тех далёких лет лапидарно, точно и с высоким эмоциональным накалом запечатлена в стихотворении В. Маяковского «Война объявлена!» (20 июля 1914 г.)¹⁰: «“Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! // Италия! Германия! Австрия!..” // “Отравим кровью игры Рейна! // Громами ядер на мрамор Рима!..”// “Постойте, шашки о шёлк кокоток // вытрем, вытрем в бульварах Вены!..” // “Газетчики надрывались: Купите вечернюю!..”»¹¹

В стихотворении раннего В. Маяковского с помощью многозначного слова *чернь* ярко выражен не только антивоенный пафос, не только опасение возможного торжества «черни» — лишившегося нравственных ориентиров обывателя, — но и зловещая трагическая сущность происходящих событий, и предвестие ещё больших бед и несчастий для народов всего мира, что подчёркивается и кольцевой композицией этого произведения. Так, первая строфа заканчивается стихами: «И на площадь, мрачно очерченную чернью, // багровой крови пролилась струя!»¹²; последняя строфа завершается их же вариацией: «А из ночи, чёрно очерченной чернью, // Багровой крови лилась и лилась струя»¹³ (выделено нами. — И. Г.). Маяковский как талантливый живописец (в прямом смысле этого слова) создаёт здесь словесный аналог «холста войны», испещрённого багровыми и чёрными красками — главными красками войны.

О значимости обозначенной проблемы свидетельствуют и другие произведения русских поэтов начального периода Первой мировой войны. Так, З. Гиппиус в стихотворении «Тише!» (8 августа 1914 г.)¹⁴ призывает собратьев по

перу: «Поэты, не пишите слишком рано, // Победа ещё в руке Господней. // Сегодня
ещё дымятся раны, // Никакие слова не нужны сегодня. // В часы неоправданного
страданья // И нерешённой битвы // Нужно целомудрие молчанья // И, может быть,
тихие молитвы»¹⁵.

Поэтесса, взяв эпиграфом слова Ф. Сологуба «громки будут великие дела» и поставив под ними точную дату — «7.08.14», — обращает внимание не только на традиционно ожидаемые всеми победы русского оружия, сколько на соблюдение моральной чистоты победителей. В числе немногих русских поэтов она предостерегает своих соратников по литературному цеху от слишком поспешных «уропатриотических» заявлений, предугадывая затяжной и жестокий характер только что начавшейся войны. Так, философски осмысливая цели вступления России в войну и размышляя о целесообразности многочисленных жертв, приносимых ею, лирическая героиня стихотворения «Всё она» (Декабрь 1914 г.)¹⁶ задаётся вопросом: «Где чужие? где свои?... // Все едины, всё едино, // Мы ль, они ли... смерть — одна. // И работает машина, // И жуёт, жуёт война...»¹⁷.

В романе «Тихий Дон» сходная точка зрения на войну как на гигантскую, безостановочно работающую мясорубку выражена устами человека совершенно иного социального слоя — «пьяненького старичка-железнодорожника», заглянувшего «под Воронежем в вагон, где парился с остальными тридцатью казаками Петро Мелехов»: «Милая ты моя... говядинка!» (С. 263).

Другой герой романа М. А. Шолохова — «немолодой красивый казак» — уверен, что военные действия не должны затронуть лично его: «Нам до них дела нету. Они пущай воюют, а у нас хлеба неубратые!» (С. 260). О том, что подобные настроения до поры до времени существовали в обществе, свидетельствует и высказывание лирического героя нескольких стихотворений И. Северянина. В произведении «Ещё не значит быть изменником...» (1914)¹⁸ поэт защищает право человека вести привычную жизнь, невзирая на войну, заниматься любимым делом: «Ещё не значит быть изменником — // Быть радостным и молодым, // Не причиняя боли пленникам // И не спеша в шрапнельный дым... // Война — войной. А розы — розами. // Стихи — стихами. Снами — сны. // Мы живы смехом! живы грёзами! // А если живы — мы сильны!» (С. 105–106).

По признанию современников, на это стихотворение поступило 178 возмущённых поэтических откликов «выразителей лучшей части русского общества», не согласившихся с позицией И. Северянина¹⁹ и не придавших значения финальным строкам: «Когда ж настанет наша очередь, // Цветы мы сменим на мечи! (1914. Октябрь) (С. 106). Одним из них был В. Маяковский, в 1914 г. написавший статью «Поэзовечер Игоря Северянина»²⁰. В ней он назвал собрата по перу «маркитанткой русской поэзии» и заклеймил «святую трусость // Во имя жизни и мечты!»²¹ А менее чем через год в стихотворении «Вам!» (1915)²² В. Маяковский выскажет собственные, далёкие от воинственных, настроения, углубив в них, однако, тему ответственности тех, в чьих интересах ведётся война, и поставив вопрос об истинных её целях: «Вам ли, любящим баб да блюда, // жизнь отдавать в угоду?! // Я лучше в баре б... буду // подавать ананасную воду!»²³

Найдутся у И. Северянина и сторонники: сразу же после выхода в свет возмущившей общественное спокойствие поэзы «Ещё не значит...» некоторые литераторы вступились за него, например, Д. Крючков [«Газетным поэтам» (27.X.14)²⁴, «Любите поэтов, любите!..» (6.IX.14)²⁵]. Сам же И. Северянин в последовавшем вскоре отклике «Мой ответ» (1914. Зима) (С. 107) считёт необходимым прояснить позицию и, отстаивая право поэта на свободное выражение собственного мнения, подчеркнёт мысль о том, что каждым делом должны заниматься люди, наилучшим образом к нему подготовленные:

Неразлучаемые с Музою
Ни под водою, ни в огне,
Боюсь, мы будем лишь обузою
Своим же братьям на войне.
Мы избалованы вниманием,
И наши ли, pardon, грехи,
Когда идут шестым изданием
Иных «ненужные» стихи?! —
Друзья! Но если в день убийственный
Падёт последний исполин,
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин²⁶.

Последующие публикации свидетельствуют о том, что дискуссия в прессе по поводу вопроса о поведении поэта в дни войны, начавшаяся со стихотворения И. Северянина «Ещё не значит...», нашла своё продолжение и в дальнейшем. Так, в стихотворении М. Струве «Презревши соловьёв, пожертвовав сиренью...»²⁷ читаем:

Презревши соловьёв, пожертвовав сиренью,
Возненавидев парк и клейкости листов,
Прицелившись луной, избрать себе мишенью
Постройки утлыя ненужных облаков.
И, если меток я, в подобие кареты
Осколки облаков упавшие сплести,
По небу проскакать, разбрасывать планеты
И звездопыль клубить по Млечному пути²⁸.

Заметим, что если упомянутый выше персонаж романа М. Шолохова («немолодой казак»-землепашец) объясняет своё нежелание воевать вполне серьёзными и уважительными причинами — заботами о гибнущем урожае, — то позиция лирического героя И. Северянина в этическом плане явно смешна и мало оправдана: как будто не замечая военных лишений, он проповедует обывательские радости и полноту жизни во всех её проявлениях. Так, четвёртое стихотворение цикла «Стихи в ненастный день» начинается не оставляющими сомнения в лёгкой и сокрушитель-

ной победе над врагом и всё-таки слишком легковесными в условиях начавшейся войны строками, столь характерными для его гедонистической поэзии 1910-х гг.: «Мы победим! Не я, вот, лично: // В стихах великий — в битвах мал, // Но если надо — что ж, отлично! // Шампанского! Коня! Кинжал!»²⁹

Справедливости ради следует отметить, что лирический герой «Поэзы благословения» (Мыза Ивановка. 1914. Август) (С. 97) осознаёт начавшуюся войну как войну «народной обороны», при этом не сочувствуя «войне как проявлению грубой силы». Однако он готов пожертвовать жизнью — своей и сограждан — во имя победы над врагом родной страны:

К победе красная стезя,
И скорбь на ней — исход конечный.
Безразумной и бессердечной
Войне сочувствовать нельзя.
Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легионы
Встаёт пронзённая страна.
Когда отчество в огне,
И нет воды, лей кровь, как воду...
Благословение народу!
Благословение войне! (С. 97)

Разумеется, позиция И. Северянина относительно военных событий не ограничивается приведёнными выше его же стихотворными доводами, высказанными в начале Первой мировой войны. Зачастую война воспринимается поэтом как «забава безумных», на которую миролюбивые народы ответили совместным отпором: «Льёт отраду // Во всей Вселенной уголки // Благая весть: круша преграду, // Идут, ловя врага в силки, // К Берлину, к Вене и к Царьграду // Благочестивые полки! («Забава безумных». (1914. Октябрь) (С. 100–101). В стихотворениях И. Северянина начального периода Первой мировой войны находим и абсолютное осуждение развязавших бойню сил («Поэза возмущения», «Поэза к Европе»); бодрое приветствие уходящих в сражение соединённых сил Антанты («Все вперёд!»); воспевание русских «войск победоносных, любимых» («Они сражаются в полях...», «Переход через Карпаты»; предвестие позорного поражения Германии, населённой «универсальными нео-гуннами») («Поэза о гуннах»).

Приметы времени — эпохи патриотического подъёма и упадка, — которые столь чутко уловил поэтический слух И. Северянина в самом начале Первой мировой войны, выкристаллизовались в «Поэзе упадка» (1918. XII)³⁰. Это произведение, по нашему мнению, может быть воспринято и как портрет, и как приговор предреволюционной действительности. Однако нельзя не заметить: то, что А. Блок переживал как трагедию («Страшный мир», «Возмездие»), как исторически оправданное воздаяние, И. Северянин подаёт в фарсовом ключе со свойственной ему лёгкостью

в смене утверждений в угоду новому времени, модным течениям, прославляющим «очистительную» мощь войны:

К началу войны европейской
Изысканно тонкий разврат
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад...
Живые и сытые трупы,
Без помыслов и без идей,
Ушли в черепашние супы, —
О, люди без сути людей!..
Как следствие чуши и вздора —
Неистово вверглись в войну.
Воскресли Содом и Гоморра,
Покаранные в старину³¹.

В оценке военных событий, втянувших всю Европу в братоубийственную войну, многие поэты исходят из принципов общечеловеческой этики.

Так, поэтесса М. Моравская в стихотворении «Радости громкой не надо...» (1914)³², описывая крушение вражеского аэроплана («С раненым на смерть пилотом // Убито четыре врага»³³), констатирует: «Но кликов не слышно шумных. // Смерть близкая слишком строга...»³⁴, — и призывает воспринимать смерть неприятеля не только как повод для торжества победившего в схватке, но и как человеческую трагедию: «Радости громкой не надо»³⁵.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» находим те же мысли, высказанные хозяином «квартиры», в которой остановились на постой по дороге на фронт «Петро Мелехов, Аникушка, Христоня, Степан Астахов, Томилин Иван и остальные» (С. 276). «Высокий дряхлый дед, участник турецкой войны», передаёт молодым русским воинам наказ и «дюже просит слово» его «попомнить»: «Хочешь живым быть, из смертного боя целым выйти — надо человечью правду блюсть» (С. 276).

По сути, устами умудрённого жизненным опытом человека процитированы в романе Божественные заповеди блаженства («Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5: 6); «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5: 7); «Блаженны чистые сердцем...» (Мф. 5: 8); «Блаженны миротворцы...» (Мф. 5: 9)). Так, по воле автора, проявляются в романе глубоко укоренённые в сознании русского человека гуманистические начала, сопряжённые с православным мирочувствованием.

Это убеждение на собственном трагическом опыте вынесет из братоубийственной войны европейских народов и Григорий Мелехов. После жестокой, не на жизнь, а на смерть, схватки с противником он страдает и казнит себя: «Меня совесть убивает... А зачем я этого срубил?.. срубил зря человека и хвораю через него... душой. По ночам снится... Аль я виноват?» (С. 306–307).

Таким образом, следует констатировать очевидную преемственность авторской позиции М. А. Шолохова с восприятием Первой мировой войны русскими поэтами, для которых она была живой, непосредственной современностью. Для них, как и для многих их современников, военные события были попыткой национальной, государственной, личностной идентификации в сложный период мирового развития. Общеевропейский кризис, развившийся в начале военных событий и охвативший многие страны-участницы военного конфликта, выявил тем не менее гуманистические устремления народа, зафиксированные как в поэтических произведениях авторов, современников событий, так и в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон», написанном позднее, когда уже были подведены определённые исторические итоги. Вместе с тем наличие исторической дистанции, выявившей революционные последствия мировой войны, позволило ему сформировать более масштабное и многогранное видение свершившихся событий.

Анализ литературных источников, адекватных эпохе, позволяет лишний раз убедиться в абсолютной достоверности воссоздаваемой в шолоховском романе атмосферы войны. Персонажи его произведения в своих оценках происходящих событий в полной мере отражают широкий спектр общественных мнений, запечатлённых в поэтических документах военного времени. Авторская же позиция предстаёт немного обёмнее и многограннее, поскольку учитывает не только всю сложную полифонию голосов и мнений героев романа, но и тот переосмысленный писателем исторический опыт, тот краткий, но насыщенный эпохальными событиями отрезок исторического пути страны, который разделяет период написания романа и воссозданные в нём страницы недавнего прошлого, «время автора» и «время героя».

¹ Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: ГИХЛ, 1956–1960. Т. 2: Тихий Дон: роман в 4 кн. Кн. первая, 1956. Здесь и далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

² Брюсов В. Солдатская // Война в русской поэзии: Стихотворения Полонского, Жуковского, Пушкина [и др.] / Стихотворения выбраны А. Чеботаревской / предисл. Ф. Сологуба. Пг.: Кн-во б. М. В. Попова, М. А. Яснаго, 1915. С. 85–86.

³ Там же. С. 86.

⁴ Князев В. Песнь британца // Современная война в русской поэзии: в 2-х ч. Пг.: Типография Товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. Ч. I. С. 145–146.

⁵ Гильяровский Влад. // Современная война в русской поэзии: в 2-х ч. Ч. 1. С. 50–51.

⁶ Брюсов В. Последняя война // Русская мысль. 1914. Кн. VIII–IX. С. 241.

⁷ Цензор Д. Священный стяг. Стихи о войне 1914–15 г. Пг.: Изд-е состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества Государя императора покровительством Скобелевского комитета, 1915. С. 7–12.

⁸ Городецкий С. Пятнадцатый // Лукоморье. 1915. 1 января. С. 1.

⁹ Современная война в русской поэзии: в 2-х ч. Ч. I, II.

¹⁰ Маяковский В. Война объявлена! // Весеннее контрагентство муз: сб. / под ред. Д. Бурлюка и С. Вермель. М.: Студия Д. Бурлюка и Сам. Вермель, 1915. С. 17.

¹¹ Там же.

¹² Маяковский В. Война объявлена! // Весенне контрагентство муз: сб. / под ред. Д. Бурлюка и С. Вермель. М.: Студия Д. Бурлюка и Сам. Вермель, 1915. С. 17.

¹³ Там же.

¹⁴ Гиппус З. Тише! // Гиппус З. Стихи. Дневник 1911–1921. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1922. С. 39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гиппус З. Всё она // Там же. С. 44.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Северянин И. Собрание поэз: в 6 т. М.: Изд-е В. В. Пашуканиса, 1916. Т. 4: Victoria regia. С. 105–106. Далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

¹⁹ Без автора. Людям из «Биржевок» // Очарованный странник: Альманах осенний. 2 изд. СПб.: Изд-во эгофутуристов, 1914. Вып. 5. С. 5.

²⁰ Маяковский В. Поэзовечер Игоря Северянина // Новь. 1914. 23 декабря. № 152.

²¹ Там же.

²² Маяковский В. Вам! // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ГИХЛ, 1955–1961. Т. 1: Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. 1955. С. 75.

²³ Там же.

²⁴ Крючков Д. Газетным поэтам // Очарованный странник. Указ. соч. С. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Струве М. «Презревши соловьёв, пожертвовав сиренью...» // Очарованный странник: Альманах весенний. СПб.: Изд-во эгофутуристов, 1915. Вып. 7. С. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Северянин И. «Мы победим! Не я, вот, лично...» // Очарованный странник: Альманах зимний. СПб.: Изд-во эгофутуристов, 1914. Вып. 6. С. 3.

³⁰ Северянин И. Поэза упадка // Северянин И. Стихотворения и поэмы. 1918–1941 / сост., послесл. и примеч. Ю. Шумакова. М.: Современник, 1990. С. 44–46.

³¹ Там же.

³² Моравская М. «Радости громкой не надо...» // Война: Литературно-художественный альманах. М.: Меч, 1914. С. 99–100.

³³ Там же. С. 99.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Там же.